

С. В. Житомирская

ВОПРОСЫ НАУЧНОГО ОПИСАНИЯ РУКОПИСНЫХ МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ¹

Своеобразие дневников и воспоминаний как исторических источников определяется самой их функцией, отличающей источники этого вида от всех других: они создаются отдельными лицами для фиксации и интерпретации и прошлого, и мгновенно ускользающего из настоящего в прошлое исторического бытия. Этот вид источников, как и вообще документы личного происхождения, дает исследователям важнейший и неповторимый материал для понимания взаимодействия субъективного и объективного в истории, раскрытия социально-психологических и идеологических процессов, протекающих в обществе. Сама история предстает перед потомками на страницах дневников и воспоминаний и так, как она фактически совершалась, и так, как она отражалась в сознании современников; историк, лишенный этих источников, увидел бы не живую картину ушедшего в прошлое мира, а лишь приблизительную и плоскую схему его.

Естественно то пристальное внимание, с каким всегда относилась наука к воспоминаниям и дневникам. Если их не так уж часто исследовали теоретически как особый вид источников, то достаточно много печатали и постоянно использовали. Наука накопила значительный опыт их источниковедческого анализа, и методы этого анализа продолжают совершенствоваться.

Вместе с тем свойственная этому виду источников, вытекающая из самой их природы, откровенная, даже демонстративная субъективность породила традиционное и все более укореняющееся торопливое желание источниковеда предостеречь исследователя, напомнить ему прежде всего о сомнительной достоверности субъективных свидетельств и о первостепенной важности исторической критики при их использовании. Естественно также, что эта тенденция тем сильнее, чем ближе к источниковеду прошлое, о котором повествуют мемуарные источники. Кажется иногда, что научное значение источников этого рода начинает как-то тускнеть и исчезать под шквалом этих предостережений и оговорок, сопровождающих всякое упоминание о них.

Между тем не совсем прав был И. Г. Эренбург, сказавший, что «наша эпоха оставит мало живых показаний» ². Потребности жизни, потребность человеческой личности в осмыслении себя и своего времени не перестают вовлекать в этот род творчества многих людей, и мемуарная литература, одно время приумолкнувшая, с каждым годом занимает все большее место на наших книжных полках. Неотложной, хотя и трудно выполнимой задачей, без осуществления которой нельзя обеспечить развитие науки, становится библиографирование опубликованных мемуаров.

¹ К выходу в свет справочника: Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1976. Сост. Л. П. Балашова, К. И. Бутина и др. Под ред. С. В. Житомирской.

² *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь, кн. 1—2. М., 1961, с. 6.

Легко понять, что еще больше по объему важная для науки и мало еще известная масса неопубликованных мемуарных источников, которая в составе личных архивных фондов и коллекций наполняет архивохранилища.

Изданный Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина справочник «Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей» представляет собой попытку приоткрыть для исследователей небольшую часть рукописных мемуаров. В связи с выходом этой книги уместно обратиться к некоторым вопросам, касающимся мемуаров и дневников вообще — и как источника и как историко-культурного факта. Некоторые замечания по этому поводу необходимы не только затем, чтобы разъяснить археографические принципы составителей, реализованные в этом издании, но и для того, чтобы попытаться представить эти принципы в процессе формирования.

Основной проблемой, стоявшей перед составителями в начале работы, было определение круга источников, которые предстояло описать. Для этого следовало прежде всего выбрать ту или иную систему терминов и тесно связанную с ней классификацию. Но установившейся терминологии для интересующих нас письменных источников пока нет, а их классификация, предлагавшаяся уже во многих вариантах, тоже остается дискуссионной. Все это определяется, на наш взгляд, сложностью и неоднозначностью самого объекта рассмотрения, его принадлежностью одновременно к разным рядам произведений человеческой мысли и деятельности. Среди литературных произведений, к которым несомненно относятся мемуарные источники, они занимают промежуточное и неустойчивое место, сливаясь то с одним, то с другим жанром (словом «жанр», как кажется, их можно обозначить с тем же правом, как и назвать «видом исторических источников»). В области исторической документации их можно найти и среди нарративных источников (дневники) и среди вполне официальных документов служебного назначения (автобиографии, например). Кроме того, нельзя упускать из виду легкость слияния и превращения одних видов мемуарных источников в другие и близость их к иным видам источников, например к письмам³.

Выделяя из массы материалов личных архивов рукописи, которые предстояло описать в справочнике, следовало прежде всего определить самые понятия подлежащих отбору объектов и принципы их отбора. Нельзя не согласиться с мнением о необходимости собирательного понятия для воспоминаний и дневников как особого типа источников и предложением для него термина «мемуарные источники»⁴. Лучше было бы даже, приняв его, не употреблять, как это часто бывает, в качестве собирательного понятия слово «мемуары» — синоним одной из разновидностей этих источников — воспоминаний. Однако пока эта терминология не стала общепринятой, составители книги предпочли отказаться от нее в заглавии. В данной же статье мы предпочитали термин «мемуарные источники» как собирательное понятие, обнимающее собой все виды рассказов отдельных лиц о прошлом, опирающихся преимущественно на память рассказчика и созданных с целью фиксации и осмысления этого прошлого.

Мемуарные источники наиболее очевидно делятся на дневники и воспоминания, отличающиеся по приемам создания, внутренней структуре и функции произведения. Действительно, в одном случае (воспоминания) перед нами цельное, подчиненное общему замыслу произведение, единый связный текст, всегда написанный позже того времени, о котором повествует автор. Этих его признаков не меняет ни часто встречающееся деле-

³ См. об этом: *Дмитриев С. С.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. — В кн.: *Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970, с. 350—351.*

⁴ *Деревинца Л. И.* О термине «мемуары» и классификации мемуарных источников (историография вопроса). — *«Вопросы архивоведения», 1963, № 4.*

ние на части и главы (по хронологическому или тематическому принципу), ни иное какое-либо построение произведения, например композиция его в виде серии этюдов о современниках. В другом случае (дневник) мы имеем дело с отрывочными, часто не связанными между собой записями, заносимыми в текст либо изо дня в день, либо с промежутками, иногда очень значительными, но всегда синхронно событиям.

Однако четкость такого разграничения очевидна только на первый взгляд. Не менее существенными оказываются черты, сближающие произведения обоих видов.

Фиксируя настоящее, дневниковые записи возникают как ближайшее непосредственное отражение и осмысление событий сегодняшнего дня, и в то же время они всегда в какой-то степени воспоминание о них, уже ушедших в прошлое.

Эта прерывистая микроструктура дневника не бросается в глаза, и дневник воспринимается обычно как литературная (или документальная) фиксация настоящего; однако наблюдения над отдельными записями легко обнаруживают этот двойственный его характер. Он особенно очевиден в тех случаях, когда записи в дневнике не ежедневны, а охватывают сразу какой-то значительный отрезок времени. Часто именно это время бывает очень важно для автора, насыщено эмоциями, впечатлениями или сложными событиями, которые и оторвали его от дневника, — а записи о них, сделанные позже, уже утрачивают специфически-дневниковые свойства, и главным образом сохраненная в них отрывочность, повременность структуры отличает их от воспоминаний⁵.

Нет, например, существенной разницы ни по содержанию, ни даже по характеру текста и авторской интерпретации событий между дневником человека, находившегося в Кремле в октябре 1917 г. и бывшего очевидцем боев красногвардейцев с юнкерами, и воспоминаниями того же лица, записанными по окончании боев и после победы революции в Москве⁶. Кроме того, само осмысление автором дневника событий настоящего сплошь и рядом несет в себе сложное отражение ретроспективы его жизни — иногда явную фиксацию событий прошлого, но чаще скрытую, пропускающую лишь при внимательном анализе. К первому варианту, особенно характерному для дневников-самоотчетов, относится, например, дневник Л. Н. Толстого. Толстой считал эту фиксацию (и прямо это выразил) одной из главных функций дневника. «Последние три года, проведенные мною так беспутно, — писал он 14 июня 1850 г., — иногда кажутся мне очень занимательными, поэтическими и частью полезными; постараюсь пооткровеннее и поподробнее вспомнить и написать их. Вот еще третье назначение для дневника»⁷. Второй, весьма частый в дневниках вариант, — рассмотрение текущих событий в свете прошлого жизненного опыта автора.

Дневник насыщается впечатлениями, сохранившимися в памяти, и очень часто сливается с воспоминаниями, когда краткие записи, сделанные на месте происходящих событий, — событий, как правило, необычных (в дороге, на войне, в обстановке политических или иных острых ситуаций) — впоследствии «приводятся в порядок» в спокойной обстановке.

⁵ Ср., например, дневниковые записи Л. Н. Толстого, сделанные в первой половине сентября 1862 г. — в период влюбленности и сватовства к С. А. Берс, с первой записью после свадьбы: «20, 21, 22, 23, 24 сентября. Непонятно как прошла неделя. Я ничего не помню, только поделу у фортепьяно и появление сатаны, потом ревность к прошедшему, сомнения в ее любви и мысль о том, что она себя обманывает. . .» и т. д. (*Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 20-ти т., т. 19. М., 1965, с. 252—254).

⁶ Ср., например, дневниковые записи С. П. Бартечева, сделанные 26 октября — 2 ноября 1917 г. (*Бонч-Бруевич В. Д.* Кремль в Октябре семнадцатого (по неопубликованным документам Октябрьской революции). — «Красная новь», 1932, № 11, с. 208—223), с его же неопубликованными воспоминаниями, написанными в ноябре 1917 г. (ГБЛ, ф. 369, 375. 34).

⁷ *Толстой Л. Н.* Собр. соч., т. 19, с. 47—48.

При этом раскрываются имена, расшифровывается символика записей, отдельные памятные вехи, наскоро обозначенные как зарубки для памяти, превращаются в подробное описание соответствующих эпизодов. Сохраняя дневниковую форму, повествование приобретает характер связного, последовательного рассказа о событиях, возможного только при последующем их осмыслении. Иногда автор с самого начала предполагает предстоящее превращение дневников в воспоминания и рассматривает их лишь как заготовку для последних. Такое соотношение первоначальных записей с созданным в конечном результате произведением совсем иного жанра характерно, например, для книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»⁸ и вообще для журналистских блокнотов, которые, несмотря на их специфический характер, иногда трудно отличить от дневников. С другой стороны, воспоминания могут откровенно включать в себя прежние дневники или их части, как это сделал, например, В. В. Сухомлин⁹, либо могут быть построены на дневниковых записях, не обнаруживая этого ни в композиции, ни в форме текста: в таких случаях автора выдает лишь точность деталей, обычно не сохраняющихся в памяти столь долго¹⁰. Тем не менее деление мемуарных источников на воспоминания и дневники, невзирая на зыбкость границы между ними, для нужд классификации достаточно удобно.

Каждый из этих двух основных видов мемуарных источников, кроме того, включает в себе ряд разновидностей и особых вариантов. Исследователь или библиограф, работающий только с изданными мемуарными источниками, сталкивается со значительно меньшим их разнообразием, чем тот, кто отбирает их из массы документальных материалов личных архивов. Для последнего становится особенно очевидной трудность разграничения этих источников с другими материалами и их обоснованной внутренней классификации.

К сожалению, ни один из предложенных в последние годы вариантов классификации¹¹ нельзя признать полностью удовлетворительным:

⁸ *Старцев А. И.* Русские блокноты Джона Рида. М., 1968, с. 6—7.

⁹ *Сухомлин В. В.* Гитлеровцы в Париже. — «Новый мир», 1965, № 11—12. Этот случай особенно характерен для взаимопроникновения дневников и воспоминаний. В предисловии автор пишет: «В июне 1940 г. мне пришлось увидеть вступление немцев во французскую столицу. У меня сохранились дневники, которые я вел в оккупированном Париже и на юге Франции. С их помощью я попытаюсь воскресить картины парижской жизни в первые месяцы оккупации» (с. 111). На следующих нескольких страницах помещен текст дневников, который производит впечатление подлинного, — но лишь до тех пор, пока его не сравнить с сохранившимися, к счастью, в архиве В. В. Сухомлина его блокнотами 1940—1941 гг. (ГБЛ, ф. 543. Фонд не обработан). В них — те краткие отрывочные записи, какие только и могли быть сделаны в дни падения Франции: слова сокращены, ситуации лишь отмечены для памяти в двух-трех словах, имена, как правило, обозначены начальными буквами, не снабжены никакими (не нужными, конечно, автору) разъяснениями, которыми, напротив, изобилует текст, опубликованный в «Новом мире». Таким образом, этот текст, не только литературно обработанный, но и обогащенный фактическим материалом, есть на деле симбиоз реального дневника времен оккупации Парижа и позднейших воспоминаний автора об этом времени; он, в свою очередь, в качестве подлинного дневника вставлен частями в текст написанных в начале 1960-х годов воспоминаний об оккупации Парижа.

¹⁰ В качестве примера можно напомнить соотношение той части «Воспоминаний» А. Г. Достоевской, где рассказано о ее знакомстве с Достоевским и их романе, с соответствующими записями в ее дневнике 1867 г. (любопытно при этом отметить, что последние, хотя и записаны в дневнике, но, в свою очередь, являются воспоминаниями о событиях, происходивших за год до записи. См. об этом подробно в моей статье, предвещающей публикацию этого дневника. — «Литературное наследство», т. 86. М., 1973, с. 164).

¹¹ *Черноморский М. Н.* Мемуары как исторический источник. М., 1959; *Деревнина Л. И.* Указ. соч.; *Кардин В.* Сегодня о вчерашнем. Мемуары и современность. М., 1961; *Дмитриев С. С.* Личные архивные фонды. Виды и значение их исторических источников. — «Вопросы архивоведения», 1965, № 3; *он же.* Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в. — В кн.: Источниковедение истории СССР XIX—начала XX в. М., 1970.

они либо не учитывают реальную сложность и разнородность классифицируемых объектов, либо нарушают единый принцип построения ряда, кладя в основу схемы не один, а несколько не связанных между собой признаков. Так, М. Н. Черноморский делит мемуарные источники то по объекту повествования («собственно мемуары», т. е. воспоминания автора о своем жизненном пути, и «воспоминания», т. е. рассказ лишь о тех событиях, в которых пришлось участвовать автору), то по приемам создания текста (авторские произведения и литературная запись), расставляя все эти разнородные рубрики в единый ряд.

С. С. Дмитриев, отвергая классификацию М. Н. Черноморского и, в частности, отнесение «литературных записей» к воспоминаниям, по существу отказывается от попытки классификации, рассматривая мемуарные источники лишь по хронологии и социальной или профессиональной принадлежности автора, что, с нашей точки зрения, определяет лишь содержание, а не жанровые или видовые особенности источника.

Л. И. Деревнина, основывая свою классификацию мемуарных источников на различиях авторской индивидуальности и позиции (воспоминания — авторское рассмотрение прошлого с позиций настоящего; дневники — авторское рассмотрение прошлого с позиций, свойственных ему в самом этом прошлом, и т. д.), выделила две отдельные группы — «литературные записи» и стенограммы, нарушив тем самым свой логический ряд и не всегда убедительно мотивируя это нарушение.

Думается, что созданию классификации мемуарных источников должна предшествовать еще значительная работа. Принцип классификации научно определится лишь тогда, когда сами эти источники предстанут перед нами во всем своем разнообразии и анализ каждого варианта как вида источников позволит уловить объединяющие и разъединяющие их черты. Этой задаче косвенно служит и рассматриваемое издание.

* * *

Наиболее сложна для такого анализа группа источников, которую мы обобщенно назовем *воспоминаниями*.

Отмечается обычно, что воспоминания как особый литературный жанр «занимают промежуточное положение между произведениями художественной литературы <...> и произведениями научно-исторической литературы»¹². Это верно; однако с тем же правом можно было бы поместить воспоминания как вид источника между произведениями художественной литературы, с одной стороны, и служебными и научными отчетами, с другой; между автобиографическим романом, с одной стороны, и обычной автобиографией, лежащей в каждом личном деле в отделах кадров и, наряду с анкетой, к которой она приложена, несомненно являющейся одним из видов биографических документов. Эти противопоставления можно продолжить. Мемуарные источники (как и частная переписка) являются именно той областью, на которой легче всего продемонстрировать условность отделения документальных материалов от книжной письменности, так называемой «деловой» документации — от частной и вообще применения этих терминов с их кажущейся недвусмысленностью к той неопределенной, зыбкой и вечно движущейся в своих границах массе письменной фиксации человеческой мысли и деятельности, которая составляет понятие «письменные исторические источники».

Для справочника «Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. . .» необходимо было выработать критерии отбора того материала, который предстояло описать (или хотя бы условиться с будущим читателем об этих критериях), и предложить свою — назовем ее «рабочей» — классификацию.

¹² Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка первой половины XIX в., с. 351.

К воспоминаниям было решено отнести все виды рассказов отдельных лиц о прошлом: о своей жизни, своем времени, отдельных случаях, событиях, людях, известных авторам по личным впечатлениям или по рассказам других. Удачно определил это понятие В. Шкловский; по его мысли, воспоминания — «это рассказ о том, что сам видел или по крайней мере слышал в давнее время. Они — признание в том, что ты сам сделал и думал»¹³.

Архивист, говоря о воспоминаниях, обычно имеет в виду письменный текст. Однако в принципе к ним могут относиться и рассказы устные, зафиксированные в звуке (на пластинке или магнитной ленте) или в звуке и видеозаписи. Способ фиксации рассказа не меняет его жанровой принадлежности, хотя и накладывает существеннейший отпечаток на его форму, композицию и соответственно на содержание, превращая его в особую разновидность жанра¹⁴.

Но большей частью в архивах хранятся обычные, написанные автором воспоминания. Первым направлением их отбора и определения их разновидности являлось установление грани, — почти всегда очень неопределенной, — отделяющей воспоминания от художественной литературы, основанной на автобиографическом материале.

Мы, разумеется, оставляем здесь в стороне тот факт, что любые произведения художественной литературы являются обобщением и отражением личного жизненного опыта и суммы впечатлений писателя. Не рассматриваем мы также и вопрос об изменении функции произведения во времени и восприятия его читателями-современниками и читателями-потомками в зависимости от эпохи, в которую оно увидело свет. Составителям справочника приходилось иметь дело с рукописями, рассматривать тексты независимо от их литературной судьбы и, следовательно, подходить к ним, как к данности, отыскивая критерии отбора только в них самих.

Бывают, естественно, совершенно очевидные случаи, когда в творчестве одного писателя можно найти и романы, полностью лишенные мемуарных черт, и произведения, принадлежность которых к воспоминаниям не оставляет сомнений. Сравним, например, роман В. А. Каверина «Исполнение желаний» и книгу его воспоминаний «Здравствуй, брат, писать очень трудно». Сравнение это тем более убедительно, что оба произведения рассказывают об одном и том же времени.

Но гораздо чаще между такими крайними точками творчества одного писателя лежит широкий круг произведений, которые то ближе к мемуарам, то дальше от них и, даже приближаясь к этому жанру, все-таки не сливаются с ним совсем. Это хорошо прослеживается, например, в произведениях такого писателя, как В. П. Катаев, идущего в своем творчестве от повести «Белеет парус одинокий», где автобиографический элемент целиком подчинен вымыслу писателя и поглощен им, к повести «Трава забвения» — по преимуществу художественному произведению, которое, однако, уже затруднительно с достаточной уверенностью поставить по одну или иную сторону искомой грани, и, наконец, к его произведению «Волшебный рог Оберона», которое так и хотелось бы решительно отнести

¹³ Шкловский В. Память и время. — «Новый мир», 1964, № 12, с. 205.

¹⁴ С источниковедческой точки зрения, своеобразное явление представляют устные рассказы И. Л. Андропикова, создаваемые именно для устного произнесения и даже в процессе произнесения и поэтому неотделимые от личности рассказчика. Как источник они включают в себя жест, голос, мимику, наконец, артистическое перевоплощение рассказчика в объект своего повествования. Ближе всех к подлинному источнику, следовательно, телефильм; однако эти рассказы существуют параллельно в виде звукозаписей, а некоторые зафиксированы и письменно. Здесь очевидно, как непосредственное впечатление от лица или ситуации, послужившее толчком к кристаллизации прежних разрозненных впечатлений и породившее, — быть может, одновременно — устный рассказ, превращается с течением времени в воспоминания. В обычной письменной форме этот рассказ не отличался бы от дневниковой записи, но записи художника, обобщающего свои впечатления в образах.

к мемуарам, если бы фантазия писателя и специфические художественные приемы не проявлялись им так демонстративно на каждой странице.

Это слияние и неразделимость жанров, определяющие собой всю сложность проблемы, связаны еще и с тем, что воспоминания, написанные писателем, не только непременно являются произведениями художественной литературы, но в иных случаях становятся вершинами его творчества и закономерно входят в мировую классику. Достаточно вспомнить в этой связи «Исповедь» Руссо и «Былое и думы» Герцена. «Я предпринимаю дело беспрецедентное и которое не найдет подражателя, — писал Руссо в начале своей «Исповеди». — Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, и этим человеком буду я»¹⁵. Подобный замысел не может реализоваться в скромном по функции жанре воспоминаний, и такое произведение, как это и случилось, должно быть прежде всего романом о себе. А вот как объяснял замысел своих мемуаров Герцен: «Это не столько *записки*, сколько *исповедь*, около которой, по поводу которой собрались там-сям схваченные воспоминания из *Былого*, там-сям остановленные мысли из *Дум*. Впрочем, в совокупности этих пристроек, надстроек, флигелей *единство есть*, по крайней мере мне так кажется»¹⁶.

Эта точнейшая, как всегда у Герцена, характеристика сама приводит к нужному выводу. Действительно, это произведение *равно* занимает свое место и в истории русской литературы и общественной мысли, и среди мемуарных источников по истории русской литературы и общественной мысли.

Как же практически решали составители справочника проблему отбора воспоминаний из писательских творческих рукописей, одновременно обладающих признаками художественной и мемуарной литературы? Главным критерием являлось (и мы не нашли другого реально возможного выхода) отсутствие или наличие вымышленных персонажей и ситуаций или смешение их с реально существовавшими лицами и событиями. С этой точки зрения, «История моего современника» В. Г. Короленко и «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова были бы признаны воспоминаниями, а «Детство, отрочество, юность» Л. Н. Толстого — отвергнуто. Как видно из этих примеров, простое избрание автором для себя вымышленного имени в автобиографическом произведении (прием, употребленный С. Т. Аксаковым) не служило основанием для сомнения в его мемуарной жанровой принадлежности. Там же, где для установления автобиографических реалий пришлось бы заниматься исследованием сложной и ненадежной для классификации проблемы прототипов литературных героев и историчности ситуаций, произведение отвергалось заведомо. Уже упоминавшаяся повесть В. П. Катаева «Трава забвения» была бы тоже несомненно отвергнута, несмотря на преобладание в ней автобиографического элемента: отделив себя, реального писателя Катаева, о молодости которого и, скажем, о разговоре которого с реальным же Буниным идет там речь, от вымышленного (хоть сквозь него и просвечивает молодой Катаев) Пчелкина, писатель взломал законы мемуарного жанра и смог свободно ввести в свое произведение необходимую для его целей долю вымысла.

Вторым направлением отбора являлось отделение воспоминаний от публицистики и корреспонденций, а также от историографии и научно-популярной литературы. Здесь возникал свой ряд проблем. В самом деле, произведение, в котором автор обобщает свои впечатления от посещения, например чужой страны, может быть воспоминанием; помещенное в газете сразу вслед за написанием и обнаружившее, таким образом, свою функцию, оно оказывается очерком, статьей или корреспонденцией. Помещенное в той же газете спустя несколько лет, оно снова превращается в воспоминания или, по крайней мере, колеблется между этими двумя жанрами.

¹⁵ Руссо Ж.-Ж. Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. М., 1949, с. 33.

¹⁶ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 8. М., 1956, с. 9.

Но, больше того, войдя впоследствии вместе с другими подобными произведениями в отдельную книгу автора о той же стране, оно может с равной степенью вероятности оказаться частью книги мемуарной, публицистической или исследовательской, ничем не обнаруживая своей чужеродности характеру этой книги (легко найти такие примеры, проанализировав, например, выпущенные за последние годы книги советских журналистов — корреспондентов в зарубежных странах).

Среди авторов, творчество которых в этом плане подлежало нашему рассмотрению, особо следует отметить В. Д. Бонч-Бруевича. Один из наиболее плодотворных и авторитетных мемуаристов советского времени, он в 1920—1930-е годы необыкновенно активно сотрудничал в прессе. К этим годам относится большинство его мемуарных произведений, одно только описание которых занимает 32 страницы справочника. Кроме этого, он написал в те же годы большое количество публицистических и исследовательских статей и брошюр, основанных уже не на памяти и даже не на документах личного архива, а, как и всякая подобная работа, на широком круге источников. По привычке же мемуариста и по тому значению, которое Бонч-Бруевич придавал закреплению живых свидетельств современников в памяти потомков, он обычно и в эти свои произведения вводил какие-то памятные эпизоды прошлого. Отыскание грани «мемуарного» и «не мемуарного», таким образом, становилось делом субъективным и не имеющим строгих оснований.

В этом случае составители избрали в качестве критерия прежде всего целевое назначение произведения — там, разумеется, где его можно было обнаружить. При отборе отвергались корреспонденции в газеты и журналы и те статьи, где мемуарный элемент был незначителен и подчинен общему исследовательскому или публицистическому заданию. Несомненно, однако, что зачастую отделить эти жанры вряд ли удалось, и какие-то в равной степени «мемуарные» произведения могли и отразиться в справочнике, и оказаться за пределами его.

Близка к этой проблеме и третья задача: отделение воспоминаний от деловых, служебных или научных отчетов. Трудность этой задачи была, однако, тем меньше, чем ближе была рассматриваемая рукопись к нашему времени. Современный человек, даже очень далекий от проблем стилистики и жанровых отличий, тонко чувствует особенности, диктуемые официальным, литературным или частным назначением текста. Но полтора столетия назад письменные показания декабристов, затребованные от них высочайшим их тюремщиком, в рассматриваемом аспекте мало отличались по стилю и характеру от их же собственных автобиографических записок; содержание, разумеется, в соответствии с обстоятельствами отличалось коренным образом.

Любопытным примером текста со строго определенным деловым целевым назначением, являющегося одновременно подробнейшими и увлекательнейшими автобиографическими записками, служит «Записка о службе» И. П. Липранди¹⁷. Написанная с целью добиться нового служебного назначения, служащая самооправданием и напоминанием о своих заслугах начальству, она не должна была бы выходить за рамки соответствующей этой задаче документа. Между тем не так уж много мемуарных произведений, где полная превратностей жизнь автора и само его время раскрывались бы с такой верностью особенностям именно мемуарного жанра. И все же составители в раздумье останавливались перед этой рукописью: ведь это служебная бумага. Недаром она не была включена в первый подобный справочник в 1951 г.¹⁸, хотя к тому времени она была хорошо известна и уже 70 лет хранилась в Отделе рукописей. Тем не менее

¹⁷ См. о ней: *Эйдельман Н.* «Где и что Липранди?..» — «Пути в неизвестное», сб. 9. М., 1972, с. 127 и сл.

¹⁸ Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (из фондов Отдела рукописей). Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1951.

в конце концов предпочтение было отдано автобиографической, а не деловой стороне этой рукописи, а это помогло окончательному формированию критерия: при отборе из докладов, отчетов, записок и других деловых документов, содержавших одновременно рассказ автора о тех или иных событиях его жизни или наблюдавшихся им, привлекались лишь те немногие, где целевое назначение не определяло характера рассказа и текст представлял собой свободное повествование. Так была включена в книгу записка некоего подполковника М. А. Зигерн-Корна об англо-бурской войне, несмотря на очевидно служебные цели, с которыми он был командирован во время этой войны в Южную Африку и писал эту записку.

Расширило рамки справочника и включение в него целой группы биографических документов, диктовавшееся прежде всего практическими соображениями. Речь идет об обычных кратких жизнеописаниях, прежде именовавшихся «*Curriculum vitae*», теперь же — автобиографиями. Подобные документы каждый составляет не раз в течение своей жизни. Природа их, однако, тоже двойственна. С одной стороны, это краткий документ информационно-биографического характера, служебного или иного делового назначения, с другой же — это пусть краткий, но все же рассказ человека о событиях и фактах своей жизни. Правда, отбор сообщаемых в автобиографии фактов определяется главным образом назначением документа. Но разве нет подобной внутренней задачи отбора фактов в любых мемуарах? Отдать предпочтение документальной природе автобиографий и отказаться от них? Но здесь пришлось принять во внимание соображения совсем иного рода.

В Отделе рукописей ГБЛ, как и во многих других хранилищах, имеются материалы к изданным (или только задуманным) биографическим и био-библиографическим словарям, например, к альбому «Сто русских писателей. Портреты, биографические данные, образцы произведений», изданному В. А. Никольским в 1904 г., к литературным и театральным справочникам, подготовленным в 1920-х годах В. Г. Лидиным, словарю членов Общества друзей книги и пр. Часть собранных для этого автобиографий вошла в издания, часть — по разным причинам — не вошла. При анализе их оказалось, что авторы, даже ограниченные задачей краткой информации, часто сообщали такие детали жизни, творческого становления или духовного развития, которые прямо сближали автобиографии с другими, уже несомненно мемуарными источниками. Вместе с тем эти автобиографии не так уже сильно отличались и от обычных официальных. Вопрос нужно было решать для всей их совокупности. Решило его прежде всего сознание ответственности перед будущим историком.

Историк России XIX—начала XX в. располагает богатейшим набором персональных и биографических справочников. Описанию их посвящена главным образом известная фундаментальная работа И. М. Кауфмана объемом более 70 печ. л.¹⁹ В ценнейшей библиографии «Справочники по истории дореволюционной России»²⁰ издания, содержащие сведения об отдельных лицах, занимают добрую половину всех учтенных в ней пособий.

Историк, изучающий нашу современность, поставлен в значительно более трудные условия, нежели историк, исследующий далекое прошлое. Последнему достаточно упоминания о том, что анонимный автор изучаемого текста был в таком-то году, скажем, чиновником судебной палаты во Владимире, чтобы, пользуясь персональными справочниками, не только быстро установить имя этого автора, но и проследить весь его жизненный путь. Историк нашего времени для установления хотя бы имени или социального статуса автора в момент создания документа

¹⁹ Кауфман И. М. Русские биографические и библиографические словари. М., 1955.

²⁰ Справочники по истории дореволюционной России. Библиография. Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1971.

требуются несоизмеримые с задачей длительные архивные разыскания, к тому же часто безуспешные.

Современная информация в печати касается только крупнейших деятелей, сведения о которых включены в энциклопедии. В этих условиях составители каждого справочника, несущего в себе данные персонального и биографического характера, в особенности о людях советского времени, просто обязаны отказываться от многих обоснованных самоограничений. Составителями, как это было и в данном случае, должна руководить мысль о насущных и столь мало удовлетворяемых информационных потребностях исторической науки, еще более — о том внимании, с каким наше время будет изучаться потомками, и, наконец, о том тяжелом положении, в которое мы их поставим, не издавая разнообразных биографических справочников²¹.

Именно поэтому было решено включить в предлагаемый указатель даже обычные служебные автобиографии, отложившиеся, например, в фондах Бонч-Бруевича (сотрудники Государственного литературного музея), В. И. Невского (РАНИОН и Комакадемия) и др.

При описании воспоминаний как группы мемуарных источников необходимо было найти, кроме того, свои определения для каждой их разновидности.

Произведения, где излагался преимущественно жизненный путь автора, чаще всего определялись как автобиографические записки. Следует помнить, что реализация произведений такого рода часто значительно отличается от авторского замысла. Люди обычно принимаются за мемуары в конце жизни, «подводя итоги»²², и, задумав широкую и последовательную картину своей судьбы, нередко успевают выполнить только часть этой задачи. Поэтому столь многие автобиографические записки не доходят до кульминационных моментов жизни автора.

Сохранился, например, много обещавший, но не реализованный план книги В. В. Сухомлина «Записки русского интеллигента». Он успел написать воспоминания о детстве²³ да несколько этюдов, относящихся к студенческим годам, участию в революционном движении 1906—1907 гг. и тюремному заключению в Одессе в 1907 г. Из всей последующей жизни он описал лишь период начала второй мировой войны: упоминавшиеся уже воспоминания «Гитлеровцы в Париже».

Еще в меньшей степени завершены автобиографические записки Х. А. Абрикосова, толстовца, принадлежавшего к известному роду купцов и фабрикантов Абрикосовых. Мемуаров купцов сохранилось сравнительно мало, и каждое такое произведение — ценнейший и редкий источник для истории возникновения и развития русского капитализма²⁴. Задумав обширное произведение, Абрикосов, однако, успел изложить историю рода только до жизни своего отца. Остался нетронутым важней-

²¹ Положению с изданием справочников была посвящена убедительная статья С. Манинского («Золотоискатель перед Гималаями». — «Литературная газета», 1972 г. 29 ноября). Однако печальная картина, им нарисованная, относилась к одной из наиболее благополучных в этом смысле областей — к литературе. Со справочниками о людях науки дело обстоит много хуже, а уж сведений о советских, партийных, хозяйственных работниках, врачах, учителях, библиотекарях, рабочих и колхозниках, за исключением немногих самых выдающихся их представителей, вообще нигде нельзя найти. Ежегодно выходивший в России в XIX в. адрес-календарь, в XX в. — с его техническими возможностями — лишь мечта историка.

²² Автобиографические записки начинают писать смолоду крайне редко. Это случается с людьми большой творческой потенции, склонными к самоанализу, рано заставляющему их обращаться к своим «истокам», либо с людьми, для которых характерна ранняя очень высокая самооценка и непрерывная фиксация своей жизни для будущего. Пример такого раннего автобиографического творчества мы находим у В. Я. Брюсова (ГБЛ, ф. 386, 1.3).

²³ «Детство на Каре». — «Прометей». Историко-биографический альманах, т. 3. М., 1967, с. 264—305.

²⁴ О них см.: Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары. — В кн.: Московский край в его прошлом, кв. I. М., 1928.

ший для истории русского капитализма и соответственно для истории самой семьи Абрикосовых период — вторая половина XIX — начало XX в.; за пределами записок осталась необычная, но в то же время характерная судьба самого автора — последнего в дореволюционной России потомка этого рода, отказавшегося от уготованной ему дороги фабриканта, ставшего последователем учения Толстого и пытавшегося вернуться к патриархальной крестьянской жизни.

Произведения, посвященные не столько жизненному пути автора, сколько отдельным историческим периодам, людям и событиям, происшедшим во время его жизни, мы определяли большей частью словом «воспоминания». И, наконец, краткое изложение автором своего жизненного пути обозначалось как автобиография или промежуточная форма между автобиографическими записками и краткой автобиографией — автобиографический очерк.

Эти основные видовые определения не могли, однако, исчерпать необходимую для понимания и описания особенностей произведения характеристику — они не охватывали всех вариантов. Поэтому в ряде случаев приходилось прибегать к более частным и конкретным определениям, разъясняющим и особенности того или иного произведения и мотивы его включения в справочник.

Так, не предусматривалось, как правило, включение в книгу биографий разных лиц и некрологов. В огромном большинстве случаев произведения такого рода являются либо компиляциями, либо исследованиями, опирающимися на различные источники и меньше всего — на память автора. Встречаются, однако, биографии и некрологи, написанные близкими к объекту повествования лицами, в рассказе которых мемуарный элемент либо по объему, либо по значимости превалирует над сведениями, заимствованными из других источников. Такой характер носят некоторые статьи, тоже в виде исключения описанные в справочнике. В этих случаях и появлялись определения типа: «статья, основанная на личных воспоминаниях», «биография с элементами воспоминаний» и т. п. Мы не ставили перед собой задачу строгой унификации подобных определений: при огромном разнообразии вариантов, с которыми приходилось иметь дело, такой ригоризм лишил бы справочник важных для исследователя оттенков, а иногда мог и исказить представление о произведении.

Наконец, необходимо было установить принципы отбора произведений с необычными способами фиксации текста. Мы отмечали выше, что содержание и назначение служат определяющими моментами в классификации мемуарных источников, и поэтому нельзя считать воспоминания вообще, литературные записки воспоминаний, стенографические или протокольные записки их равнозначными делениями одного классификационного ряда: последние два вида источников есть лишь частные случаи первого. Однако форма очень существенно отражается на свойствах текста как источника и определяет собой специфические приемы его изучения. Поэтому в связи с отбором таких произведений возникали свои проблемы.

Первая из них относилась к записям воспоминаний других лиц. Они отнюдь не являются чем-то однородным. Между записями рассказов родителей о своей молодости или предках, с которых начинаются обычно автобиографические записки, рассказом няни Веры Артамоновны о войне 1812 г., с которого начал А. И. Герцен свое «Былое», и таким вариантом, как книга «От Путивля до Карпат», где в качестве автора обозначен рассказчик — С. Ковпак, а фактически книга написана с его слов писателем Е. Герасимовым²⁵ (т. е. «литературная записка», как это обычно называется), лежит множество разнородных произведений, с трудом укладываемых в жесткие рамки каких-либо систематических разграничений.

²⁵ Об этом подробнее см.: *Черноморский М. И.* Мемуары как исторический источник, с. 13—15; *Новикова М.* Мемуары и жизнь. Симферополь, 1957.

Вопрос об авторстве литературных записей и вообще о природе этого жанра сложен и пока недостаточно исследован в литературе. Впрочем, эта проблема и не стояла перед составителями данного справочника в литературоведческом аспекте. Но и при рассмотрении их как источника возникла разнобой в отборе и особенно в приемах описания. Анализируя аргументы в пользу авторства рассказчика или лица, записавшего чужой рассказ, следует, на наш взгляд, постоянно иметь в виду, что запись эта как мемуарный источник всегда представляет собой как бы двухслойный объект, на который можно взглянуть с равным правом как через один слой, так и через другой. Воспоминания рассказчика доходят до нас только через воспоминания об этом рассказе другого, записавшего их лица. Таким образом, любое решение в этом случае остается неким условным приемом. Прибегая к нему по необходимости, мы приняли в качестве основного автора рассказчика, указав везде на факт записи его рассказа другим лицом. Правда, учитывая состав наших фондов, нам не пришлось отбирать такие «литературные записи», которые, в сущности, являются просто романом о каком-либо лице, основанным отчасти на его собственных рассказах. Поэтому мы оставляем в стороне вопрос о произведениях такого рода.

Наконец, доклады, речи и другие устные выступления, сохранившиеся в стенографической и протокольной записи. В том случае, когда публичные выступления текстуально подготовлены автором заранее и сохранился этот первоначальный текст, они не отличаются от любого другого написанного автором мемуарного текста. Другое дело — стенограммы и протокольные записи. Эта особенность источника тоже определяет его своеобразие — неуверенность в идентичности стенограммы фактически произнесенному тексту требует дополнительной критики его как источника; еще менее достоверна протокольная запись, большей частью очень краткая; тут часто не до тонкостей: понять бы мысль оратора. Чужое авторское влияние здесь проявляется главным образом в большей или меньшей степени компетентности и точности стенографистки или секретаря. Тем не менее пренебречь подобными записями устных воспоминаний, не закреплённых авторами в обычной письменной форме, было бы ошибкой. Иногда эти свидетельства, особенно если они предназначены для определенного узкого круга слушателей, содержат факты, не встречающиеся в таком объеме в других источниках. Укажем для примера на стенограмму выступления В. Д. Бонч-Бруевича в 1941 г. перед военнослужащими в Казани, являющегося не просто воспоминаниями, а целой небольшой энциклопедией методов конспиративной подпольной деятельности большевиков (ГБЛ, ф. 369, 4.8, 10).

Именно вследствие такого подхода составители расписали и включили в настоящее издание многочисленные протоколы заседаний несколько раз менявшего свое название общества «Старая Москва», где в 1920-х годах систематически выступали с воспоминаниями многие люди, никогда в иной форме не делившиеся тем, что сохранилось в их памяти, и заседания Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

* * *

Вторая большая группа мемуарных источников — *дневники* — значительно более однородна. По давно установившейся традиции в справочнике сохранены в качестве самостоятельной разновидности дневников «путевые записки». Впрочем, дело здесь не только в приверженности к традициям, но и в том, что этот вид дневника особенно часто выступает в качестве того симбиоза дневника с воспоминаниями, о котором уже шла речь, и такой промежуточной форме удобно было присвоить особое наименование.

В плане классификации этими двумя разновидностями — дневником и путевыми записками — разнообразие дневников и исчерпывается. На деле же словом «дневник» обозначаются такие различные по функции тексты, что само это слово в сущности является лишь собирательным наименованием различных видов отрывочных датированных записей. Часто дата, проставленная в начале записи, и служит решающим признаком дневникового характера рассматриваемого текста, хотя, в сущности, могут быть датированы, скажем, и записи в рабочих тетрадях учебного, совсем не служащие дневниковым целям. Можно себе представить, например, перед какими трудностями отбора стояли издатели дневниковых записей В. О. Ключевского, рассеянных среди его научных заметок и афоризмов²⁶. Как раз в этом издании легко обнаружить, что именно дата, предшествующая записи какой-то мысли, часто служила издателям единственным аргументом в пользу отнесения ее к дневниковой части книги.

К подлинному, не переработанному впоследствии дневнику с полным основанием можно отнести известные слова Герцена: «Письма больше, чем воспоминанья, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное»²⁷. С большим правом — ибо письма адресованы другому лицу, и как ни близко, быть может, это лицо, у автора все-таки всегда остается нечто, доступное лишь самому себе.

Принципиальная разница между синхронным и ретроспективным восприятием действительности одним и тем же лицом лучше всего была выражена А. И. Герценом. Рассказывая в предисловии к «Былому и думам» о своих ранних автобиографических записках, он писал: «Тон «Записок одного молодого человека» до того был розен, что я не мог ничего взять из них; они принадлежат молодому времени, они должны остаться сами по себе. Их утреннее освещение нейдет к моему вечернему труду»²⁸.

В отличие от воспоминаний, которые в конечном итоге во всех вариантах преследуют цель сохранения в памяти людей прошлого (самой ли личности автора или окружавшего его мира) дневники служат разным целям: они могут быть закреплением фактов текущей действительности для себя, близких и потомства или для практических, справочных или иных нужд, могут быть средством самоотчета и самоанализа, направленного к нравственному самоусовершенствованию или профессиональному становлению, наконец, могут фиксировать отдельные важные автору мысли. Таким образом, говоря «дневник», мы все еще не определяем назначения, а следовательно, и признаков того текста, о котором идет речь. Поэтому отбор дневников и дневниковых записей (этим термином удобно обозначать разрозненные, ничем не связанные записи дневникового характера, разделенные иногда целыми годами) от записей другого рода, которых так много в личных фондах, совсем не так прост.

Легче и определеннее всего обстоит дело с дневниками, откровенно демонстрирующими свою задачу фиксации фактов жизни автора и окружающей действительности, такими, как известные дневники Д. А. Милютина, А. В. Никитенко и многие другие. Но уже дневники, подобные дневникам Л. Н. Толстого, где факты жизни — всегда лишь материал для углубленного самоанализа, «беседы со своей душой», и чем дальше, тем больше ему подчинены, нелегко отличить, особенно если имеешь дело с фрагментом, от других, совсем не дневниковых записей. Сам Толстой писал о своих дневниках: «Думал о том, что пишу я в дневнике не для себя, а для людей — преимущественно для тех, которые будут жить, когда меня телесно не будет, и что в этом нет ничего дурного < . . . > Они нужны, может быть, для других, а для меня, наверное, — не то, что нужны, а они — я»²⁹.

²⁶ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968.

²⁷ Герцен А. И. Указ. соч., т. 8, с. 290.

²⁸ Там же, с. 11.

²⁹ Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 20. М., 1965, с. 236.

Но вот автор другого дневника прямо декларирует иную его функцию, прежде всего — функцию самовоспитания: «Нужно, чтобы дневник, который мы ведем, не был только болтовней < . . . > Нужно, чтобы он помог нам формировать характер, непрерывно его исправлял, выпрямлял»³⁰. В этом дневнике уже почти не улавливается связь записей с фактами жизни автора или истории его времени: только пристальное внимание к собственному духовному облику, попытка «видеть ясно, осветить себя внутри для других и для себя самого», при этом — с существенной оговоркой: «Хватит ли у меня мужества рассказать другим правду, которую мне не хватает мужества рассказать себе самому?»³¹. Как видим, здесь все же упоминаются «другие», и к ним тоже обращен дневник. Но, замыкаясь на авторе, дневник может принять такую форму, характерным примером которой является дневник М. В. Муратова «Передуманное» (ГБЛ, ф. 486, не обработан), по содержанию точно отвечающий своему заглавию: только мысли, в разное время и по разным поводам возникшие и записанные.

Но даже самый обычный дневник, посвященный исключительно фактической истории лица, семьи или эпохи, тоже склонен смещаться к другим жанрам, по временам неотличимо сливаясь с ними. Так, трудно установить грань перехода от кратких дневниковых записей о жизни семьи к хронологической канве этой жизни (см., например, у П. А. Базилевского — ГБЛ, ф. 15, 4.1), а от них — к записи для памяти семейных дат, которая, кажется, совсем уж не имеет отношения к дневникам и которую легко обнаружить почти в каждом старом семейном архиве на чистом листе молитвенника или месяцеслова. Взаимосвязь дневников и воспоминаний мы уже рассматривали выше.

И, наконец, надо сказать несколько слов о письмах. Архивист или историк-исследователь, приступивший к выявлению воспоминаний и дневников в архивах, вообще не должен искать их среди переписки, столь очевидно отличающейся от мемуарных произведений. Кроме того, только отказ от просмотра писем может вообще сделать этот отбор реально осуществимым — иначе само выявление дневников и воспоминаний затянулось бы в любом крупном хранилище на десятки лет. Принимая это необходимое решение, всегда надо помнить, однако, что при этом за пределами учтенных дневников и воспоминаний обязательно останутся идентичные произведения, заключенные в письмах. Речь идет не о фиксации фактов своей жизни или совершающихся событий, присущей письмам так же, как дневникам и воспоминаниям, но производимой со своей собственной эпистолярной целью — информации о ней адресата³². Эта сходная с мемуарными источниками функция писем очевидна, но не перевешивает различий в целевом назначении, определяющем вид источника. Мы имеем в виду другое: нередко встречающееся включение в письма мемуарных произведений (целиком или в виде фрагмента) либо замысел мемуарного произведения в виде собрания писем, либо, наконец, заведомо двойное предназначение (и письмо, и дневник, например) создаваемого документа, при рассмотрении которого трудно отдать предпочтение той или другой цели. Несомненно, что такие случаи во множестве останутся неизвестными, ибо для их установления необходимо прочесть многие сотни тысяч писем. Укажем все же на некоторые встретившиеся варианты и выдвинутые ими проблемы. Вот один из случаев. В свое время М. О. Гершензон опубликовал под названием «Замогильные записки» книгу воспоминаний

³⁰ Ренар Ж. Дневник. М., 1965, с. 131.

³¹ Там же, с. 135, 275.

³² Нет сомнения, что автобиографические сведения, сообщаемые Толстым своему биографу П. И. Бирюкову в письмах, написаны он их на отдельном листке, были бы восприняты как отрывок автобиографии (см., например, письмо от 24 декабря 1905 г. — Толстой Л. Н. Собр. соч., т. 18, с. 370—372), но выявление подобных мемуарных элементов в письмах неосуществимо, да, вероятно, и не нужно.

В. С. Печерина³³, подлинник которых хранится в Отделе рукописей ГБЛ, в архиве Ф. В. Чижова. Напрасно, однако, было бы искать в описи этого архива рукопись такого произведения. Дело в том, что воспоминания эти заключены частично в письмах Печерина к своему племяннику С. Ф. Пояркову, частично в письмах к самому Чижову³⁴. При этом некоторые фрагменты воспоминаний отчетливо отделены по форме от текста писем и лишь приложены к ним (что давало бы право рассматривать их вообще вне принадлежности к переписке), другие же — есть неотъемлемая внутренняя часть письма, написанного с обычными для письма целями. «При жизни батюшки, — пишет Печерин в середине письма к С. Ф. Пояркову от 28 марта 1867 г., где до этого места шла речь о текущих событиях жизни, — неловко было писать о тех обстоятельствах, в которых заключается тайна моей жизни и без которых она осталась бы необъяснимой загадкой. Теперь надобно возвратиться назад в Одессу в 1815 г. Я остановился на этих словах: «С этого времени начинается моя ненависть к притеснителям и я становлюсь посредником между тиранами и их жертвами». Теперь продолжаю. . .» Далее следует фрагмент воспоминаний, за которым без перехода идет текст: «Примите эти строки как знак моего искреннего уважения и сердечного доверия. Надеюсь, что ваша любезная супруга и милые дети, слава богу, здоровы. Поручаю себя вашему родственному воспоминанию»³⁵. Публикатор, со свойственной тому времени свободой обращения с источниками, расположил эти фрагменты в избранном им порядке, заключив некоторые из них в рамку из отрывков писем. В результате по изданию трудно понять особенности публикуемого источника, и лишь обращение к подлиннику обнаруживает его своеобразие. Как мы отметили, рукописи этих воспоминаний, широко известных благодаря указанному изданию, были описаны в качестве единого мемуарного произведения, несмотря на то, что часть их несомненно являлась письмами. Составителям никогда не удалось бы найти их среди писем, если бы не предшествующая их публикация.

Второй случай встретился при подготовке справочника и повлек за собой иное решение. В 1906 г. защитники матросов — участников ноябрьского восстания 1905 г. в Севастополе — П. И. Корженевский и Н. К. Муравьев попросили своих подзащитных описать события, участниками которых они были. Собранные ими тексты хранятся в архиве Корженевского в Отделе рукописей ГБЛ и частично опубликованы в сборнике, изданном к 50-летию первой русской революции³⁶. Однако тексты эти неоднородны: часть из них носит ярко выраженный мемуарный характер, жанр других трудно установить с полной определенностью (эпистолярные по форме, по существу они не отличаются от других воспоминаний), третьи — просто письма, ответы на вопросы Корженевского и пр. Составители отобрали для описания в справочнике лишь те из документов, которые не оставляли сомнений в своей принадлежности к воспоминаниям, хотя отказ от описания остальных спорен и легко может быть подвергнут критике с точки зрения их целевой определенности.

Наконец третий, может быть, самый сложный случай. Рассмотрим и его на некоторых примерах. В архиве Булгаковых в Отделе рукописей ГБЛ хранится переписка А. Я. Булгакова с женой. О характере этих писем читатель может судить по частичной их публикации в печати³⁷. В обзоре архива говорится: «Супруги Булгаковы довольно часто разлу-

³³ Печерин В. С. Замогильные записки. М., 1932.

³⁴ Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII—XIX вв. (Из фондов Отдела рукописей), с. 113—114.

³⁵ Печерин В. С. Указ. соч., с. 30—37.

³⁶ Революционное движение в Черноморском флоте в 1905—1907 гг. М., 1956. Подробнее об этих материалах см.: Сидорова А. Б. Архив П. И. Корженевского. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1972, вып. 33, с. 49—52.

³⁷ «Русский архив», 1866 (№ 1—12), стлб. 703—711, 715—731.

чались <...> И письма А. Я. Булгакова, и письма его жены являются своеобразными дневниками, содержащими подробнейший отчет об ежедневной жизни и занятиях супругов во время их разлуки»³⁸. Вполне вероятно, что если бы А. Я. Булгаков почему-либо лишен был возможности писать жене, а заносил бы свои впечатления в дневник, то текст его очень незначительно отличался бы от текста этих писем. Следствием душевной близости с адресатом была почти столь же малая скованность автора, как если бы он писал все это в дневнике. И тем не менее письма остаются письмами, дневники — дневниками, и нет никаких оснований относить письма А. Я. Булгакова к мемуарным источникам.

Бывает, что подробные письма близким пишутся (особенно во время далеких поездок) именно для того, чтобы превратить их потом в целостные путевые записки, а то и в книгу воспоминаний. Так, И. А. Гончаров начинал свою книгу «Фрегат „Паллада“» с писем семье Майковых. Так же написаны, например, путевые записки А. В. Рачинского «Походные письма ополченца по Южной Бессарабии в 1855—1856 году» (ГБЛ, ф. 139, 9.4). В этих случаях, как и в некоторых других, рассмотренных нами раньше, первичный текст значительно отличается от позднейшей переработки, и неудивительно, что при этом один вид источников (письма) может превращаться в другой (мемуары), служа этому другому документальной базой.

Но вот перед нами произведение иного рода, хотя и очень близкое первому из наших примеров. В 1827 г. жена декабриста И. Д. Якушкина Анастасия Васильевна, встретившись с мужем на пути его в Сибирь, узнала, что он просит ее не следовать за ним на каторгу, а остаться в России и посвятить себя детям. Потрясение ее было очень велико. Некоторые жены декабристов уже разделили к этому времени судьбу своих мужей, другие деятельно готовились последовать их примеру. Собиралась в эти месяцы в дорогу и Н. Д. Фонвизина, тоже молодая мать двух маленьких детей. Именно в это время, в течение трех месяцев, А. В. Якушкина ведет предназначенный мужу и обращенный к нему дневник, который она намеревалась передать ему, минуя почту, с одной из отъезжающих³⁹. Одновременно она пишет и отправляет ему письма по почте. Разница между письмами и рассматриваемым документом определяется, однако, не только подцензурным и минуящим цензуру путем их следования, и даже не тем, что дневник этот имел целью миновать также «семейную цензуру» матери А. В. Якушкиной — Н. Н. Шереметевой, читавшей все письма дочери и делавшей к ним приписки на тех же листках. Сам род записей, хотя и обращенных к адресату, все же носит характер не писем, предназначенных к отправке вслед за написанием, а некоего комплекса собираемых воедино подневных записей, впечатлений и мыслей. И в то же время это — письмо, распространенное во времени, пишущееся в течение месяцев, но тем не менее письмо — страстное и полное раскрытие своих мыслей и чувств определенному адресату.

Вот два отрывка из него: «19 октября. Этот маленький дневник ты получишь с верным человеком, и я его начинаю с момента нашего горестного расставания. Я хотела бы тебе раскрыть самые печальные уголки моего печального сердца»⁴⁰. «23 октября <...> Все ушли к обеду, а я с детьми осталась дома. Евгений завтракает около меня, он ест котлету; Вячеслав играет. Я пишу тебе этот дневник, когда никого нет, я не хочу,

³⁸ Герасимова Ю. И. Архив Булгаковых. Материалы А. Я. и К. Я. Булгаковых. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», М., 1969, вып. 31, с. 64.

³⁹ Дневник А. В. Якушкиной. — «Новый мир», 1964, № 12, с. 138—152. По предположению автора послесловия, Н. В. Якушкина, дневник был отослан с Н. Д. Фонвизиной, уехавшей в Сибирь в январе 1828 г. Однако из самого текста дневника ясно, что он был отослан по крайней мере двумя частями и первая из них была отправлена раньше отъезда Фонвизиной: «Прощай, отправляю эти листки, — пишет А. В. Якушкина в конце, — часть их уже отослана раньше» (с. 151).

⁴⁰ Там же, с. 138.

чтобы это видели посторонние»⁴¹. Автор, как видим, не сомневается в наименовании своего текста, называет его дневником и публикатор, а все же мы, читающие в конце каждой записи: «Прощай, милый друг» или «Прощай, дорогой, я тщетно пытаюсь казаться лучше, чем я есть», осознающие предназначение этого дневника-письма, не можем не видеть его неразделимо-двойственный характер. Поставленные перед необходимостью выбора, мы, вероятно, все же включили бы подобные тексты в справочник и описали бы их в нем как дневники.

Последняя группа материалов, от которых нужно отделять дневники и о которой следует упомянуть, это так называемые «журналы» служебного или иного официального назначения, в более позднее время тоже часто именуемые дневниками (например, дневники археологических, геологических, фольклорных и иных экспедиций). В личных архивах и особенно в коллекциях хранится довольно много материалов такого рода, причем часто — в фондах лиц, по долгу службы составлявших эти «журналы». Это может быть полковой, судовой, камер-фурьерский или иной придворный журнал; в XVIII и XIX вв., например, каждая поездка членов императорской фамилии за границу сопровождалась составлением «Журнала пребывания его императорского высочества» такого-то там-то. Многие из рассматриваемых «журналов» по самому их характеру должны были заполняться сменявшими друг друга лицами, дежурными в данный день; другие велись одним, специально назначенным лицом. Отделение подобных материалов от частных дневников представляло значительные трудности как раз в этом последнем случае и, может быть, его нельзя провести с достаточной строгостью. Тем не менее составители пытались следовать избранному ими принципу исключения из своего издания «журналов» и дневников служебного характера.

* * *

В заключение — несколько общих замечаний. Проблема достоверности или оценки описанных в справочнике мемуарных рукописей не входила в задачу издания. Не может она быть и предметом рассмотрения в рамках данной статьи. Хотелось бы лишь заметить, что сведение оценки источника к таким эпитетам, как «субъективный», «односторонний», «узко-классовый», и употребление их при этом в качестве синонимов слова «недостоверный», достаточно распространенное в литературе, кажется нам неправомерным. Подобная оценка, будь она и справедлива, вовсе еще не исчерпывает, однако, ни вопроса о достоверности мемуаров, ни проблемы их значения как источника. Точность сообщаемых мемуаристом фактов, имен, дат, ситуаций — очень важное качество источника, к которому, однако, не следует сводить оценку его достоверности: неточный и тем самым, казалось бы, недостоверный рассказ о какой-нибудь, например, встрече в прошлом, где неверно названы присутствовавшие и смещены события, может быть в то же время достовернейшим свидетельством того, как эта встреча была воспринята автором, а может быть, и всем его кругом. Мемуары, как и всякий субъективный источник, всегда ограничены личностью своего создателя, но вместе с тем они — незаменимый источник для познания этой личности⁴². В этом смысле они не более и не менее достоверны, чем любой исторический источник. Ведь даже такой вполне объективный документ, как международный договор, закрепляющий определенную выработанную сторонами правовую норму, отнюдь не отражает еще практику действительных отношений между сторонами.

⁴¹ Там же, с. 140.

⁴² См. ряд верных наблюдений об этом в статье: *Рошаль Л. М.* К методике составления каталогов мемуаров и дневников. — «Труды Московского государственного историко-архивного института», 1961, т. 16, с. 267—270.

«Все знают, насколько разноречивы рассказы очевидцев о том или ином событии, — писал И. Г. Эренбург, приступая к своим воспоминаниям, — < . . . > Политическая буря, разразившаяся в Париже 15 мая 1848 года, описана Гюго, Герценом и Тургеневым; когда я читаю их записи, мне кажется, что речь идет о различных событиях»⁴³.

Из этого справедливого наблюдения вытекает, на наш взгляд, несколько выводов, прямо относящихся к интересующему нас вопросу. Во-первых, разная оценка событий не есть еще сознательная их фальсификация. Но если бы среди рассказов о французской революции 1848 г. оказались даже мемуары ее палача, генерала Кавеньяка, который пожелал бы оправдать себя в глазах потомства очернением парижского пролетариата, то и такие мемуары, с их очевидной тенденциозностью, были бы ценны для нас как источник: не поняв Кавеньяка, трудно понять события июня 1848 г. Во-вторых, очевидно, что для познания или хотя бы приближения к познанию действительной истории какого-либо события нужно изучить освещение ее разными людьми с разных позиций.

Наконец, нельзя никогда упускать из виду, что мемуарный источник есть исторический факт, он — одно из изучаемых историком идейных явлений определенной эпохи. Лишь при таком подходе становится понятной идейная эволюция мемуариста, меняющая его рассказы о прошлом, написанные в разное время; он позволяет оценить по достоинству глубокое замечание Герцена: «„Былое и думы“ не были писаны подряд; между иными главами лежат целые годы. Оттого на всем остался оттенок своего времени и разных настроений — мне бы не хотелось стереть его»⁴⁴.

К историческим явлениям, какими являются мемуарные источники, следовало бы, на наш взгляд, в известном смысле подходить так же, как П. В. Анненков предлагал когда-то писать биографии: «Прежде всего хотелось бы нам, чтобы навсегда была отвергнута система отдельного изъяснения и отдельного оправдания всех частностей в жизни человека, а также и система горевания и покаяния, приносимого автором за своего героя, когда, несмотря на все усилия, не находит более слов к изъяснению и оправданию некоторых явлений < . . . > Живой характер, глубоко обдуманый и искренне переданный, носит уже в себе само пояснение и оправдание всех жизненных подробностей, как бы разнообразны, противоречивы или двусмысленны ни казались они, взятые врозь и отдельно друг от друга. Он освобождает биографа от необходимости стоять в недоумении перед каждым пятнышком, придумывая средства, как бы вывести его поскорее, и отстраняет другую, еще важнейшую беду, видеть пятно там, где его совсем нет и где только существует игра света и тени, порождаемая естественным отражением характера на других предметах и лицах»⁴⁵.

Руководствуясь всеми этими соображениями, составители справочника, характеризуюя авторов и сами источники, стремились сообщить исследователям только фактические сведения об авторах и возможно более адекватное изложение содержания дневников и воспоминаний.

Более того, одним из главных стремлений составителей было приблизиться к такой аннотации, которая сохраняла бы свойственную авторскому взгляду на мир связь вещей и их понимание, что дало бы читателю более ясное представление об авторе и системе его воззрений, чем сообщаемые о нем вначале внешние биографические данные. Это тонкое раскрытие содержания источников осуществлялось, естественно, в терминах, свойственных нашей науке, а не мемуаристу; составители не позволяли себе, однако, врываться в текст аннотации, воспроизводящей в конспективном виде ткань самого произведения, с критикой авторской позиции. Исправ-

⁴³ Эренбург И. Г. Указ. соч., кн. 1—2, с. 9.

⁴⁴ Герцен А. И. Указ. соч., т. 8, с. 7.

⁴⁵ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 65—66.

лялись лишь очевидные фактические ошибки в датах (иногда с оговорками) и в именах упоминаемых лиц, — если ясно было, о ком идет речь.

При всем том аннотации, как и обычно, дают лишь приближенное представление о подлинном тексте. Само соотношение объемов аннотаций с объемами текстов источников свидетельствует о неизбежной неполноте раскрытия произведений обширных по сравнению с более краткими.

Последнее замечание — об указании на публикацию описанных в книге мемуарных источников. Значительная часть их уже появлялась в печати — до поступления в Отдел рукописей ГБЛ или после того. Одной из задач справочника являлась информация читателя о степени известности каждого из этих источников в науке; без этого справочник потерял бы свое значение. Необходимо было указать читателям на публикации и на различия между печатными текстами и включенными в справочник рукописями. Опубликованные тексты не было нужды аннотировать, однако неполная публикация требовала раскрытия неизвестной в печати части текста.

При этом неожиданно обнаружилось еще одно информационное направление предлагаемого справочника: по отношению к описанным в нем источникам, во многом типичным, он явился также пособием для истории археографии, вскрыв и эволюцию приемов публикации мемуарных источников почти за два века, и сложную, интереснейшую цензурную историю многих из них.

Таким образом, в указателе заключено одновременно несколько информационных рядов: биографический, библиографический, источниковедческий, археографический. Все они, надо надеяться, будут полезны исследователям.